

Владимир

МУ ДЯ ВИН

«Сэрцам
і думамі...»

«МНЕ НЕ ЗАБЫЦА ПЕСНІ...»

Про первый выход с брэндом «Песняры»

... Я точно помню, как это было. В Москве на 4-м Всесоюзном конкурсе артистов эстрады, когда нас объявили, мы просто испугались и долго не решались выйти на сцену, потому что перед поездкой на конкурс нашему ансамблю предложили изменить название, хотя я очень жалел: мы привыкли к «Лявонам» и потом еще долго привыкали к «Песнярам». Но это название определило дальнейшую нашу репертуарную политику...

Про написанное за эти десятилетия

...Сколько песен? Не знаю, я по песням никогда не считал. Но знаю, что за это время было сделано двенадцать крупных программ. С хорошей поэзией, будем говорить так. Созданы две большие оперы по поэмам Купалы — «Курган» и «Песня пра долю», а также три программы на его стихи. Это уже пять программ. Дальше: по Маяковскому «Во весь голос», так как считаю, что поэзия у него хорошая, но не знаю, как моя музыка — это вам судить; и программа «Через всю войну». Сейчас назвать все не могу: «Голос души» еще... Много программ. И последнюю — к 40-летию своего творчества — собирался создать, но, к сожалению, так ее и не сделал. У меня за всю жизнь в искусстве не было ни одного авторского концерта...

Про солистов и музыкантов

...Прекрасно помню, где увидел Кашепарова впервые. Мне подсказали, что в «Юбилейном» ресторане есть хороший парень. Он учился тогда в политехническом институте. Я пошел в ресторан и слушал его там. Это трепетный голос и в то же время фольклорный, очень интересный, и я чувствовал, что из этого голоса можно что-то сделать, что он заденет публику. Я знаю, что публика ходила в «Юбилейный», в том числе много молодых людей, чтобы послушать Толю...

К сожалению, почему-то запоминается в ансамбле первый ряд вокалистов, то есть солистов. Хотя я считаю, что музыканты, которые аккомпанируют, вносят такой же вклад в работу, в творчество, как и, например, солисты, которые в первом ряду. Но, к сожалению, запоминается публике только первый ряд. Но у меня нет градации такой: солист или музыкант. Для меня все музыканты всегда были равны. В «Песнях» выстраивается на сцене и второй по счету ряд исполнителей, но, к сожалению, Олега Молчана, проработавшего у меня десять лет, зрители не знают в лицо, потому что он не поет. Он пришел в ансамбль с целевой программой о Франциске Скорине на стихи поэта-песенника Александра Легчилова, и мне он понравился. Олегу было тогда лет девятнадцать...

Про новые песни. Песен у меня очень много сейчас. Конечно, я в первую очередь оставляю мелодизм. Аранжировки мне помогает делать Олег. В этом отношении он незаменимый человек, который знает современную музыку, и я доверяю его вкусу. Потому что, во-первых, его вкус, наверное, сформировался прежде всего в коллективе. Поэтому есть влияние и моего где-то опыта, и его новаторства. Последние аранжировки, которые принципиально я ему доверял,

Кадр из телефильма «Песняры». 1971 г.

все-таки были лучшими. Во-вторых, я всегда уступаю дорогу людям, которые больше разбираются, больше знают в этом отношении. Где-то подсказываю им, где-то они мне что-то подскажут. Вот такой у нас получился тандем...

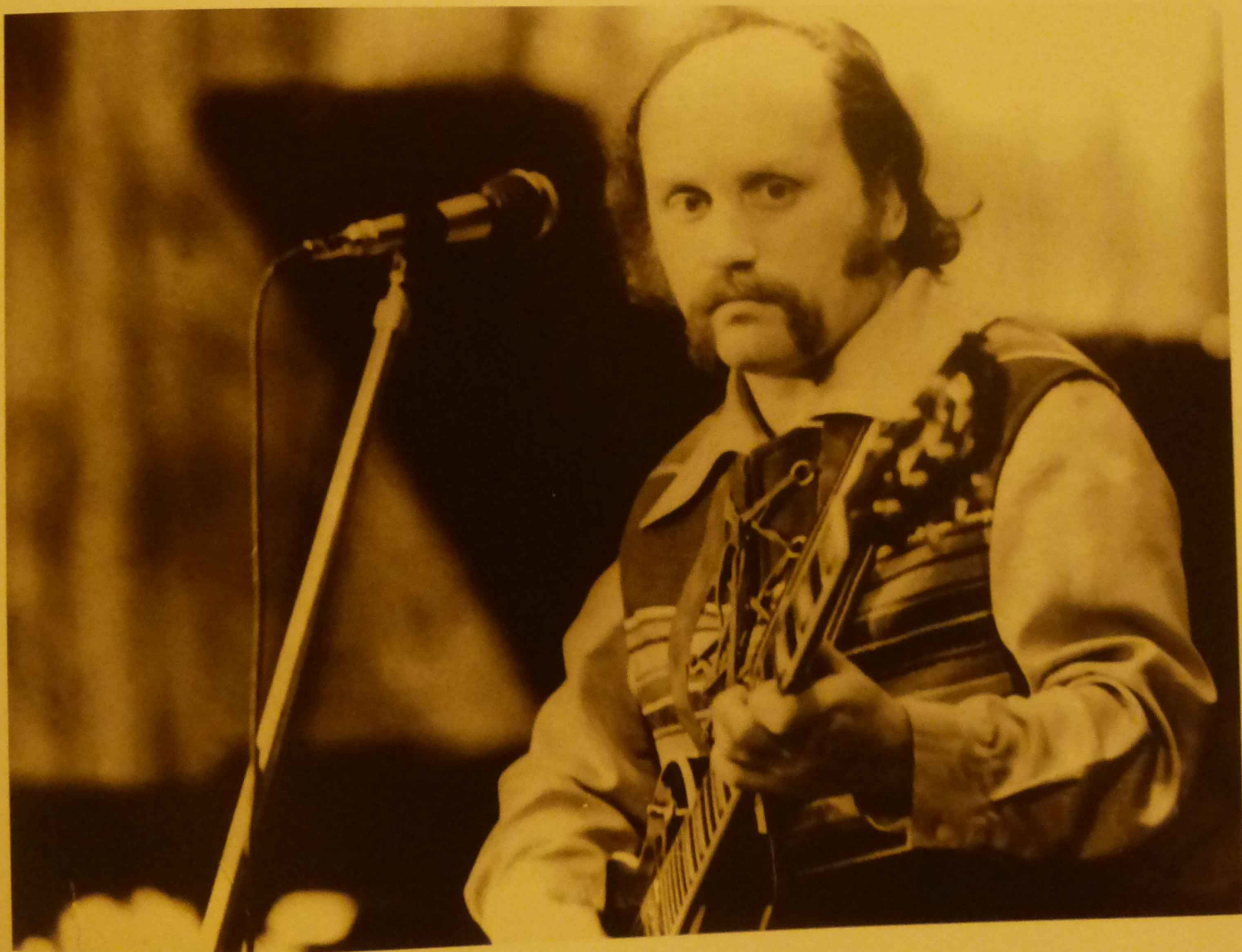
Про то, что родом не из Беларуси

...Я уж забыл об этом (*смеется*). По-моему, я никогда и не уезжал из Беларуси. То есть мои сознательные годы, формирование в первую очередь, конечно, как музыканта состоялось на белорусской земле...

Про встречу с белорусской песней

...Это длинная история. Там, у себя в Свердловске, мы знали поэзию Купалы в переводе. Коласа тоже знали. Поэтому для меня открытие белорусского языка было удивительным и неожиданным. Но чуть позже узнал, что существует еще и белорусский фольклор. Меня очень удивила эта мелодичность, эта наивность в текстах и в то же время — мудрость народной песни. И тут почувствовал, что в творчестве отхожу от русской песни, ухожу и от украинской. Я начинаю изучать белорусскую песню, и вскоре в нее совсем уже втянулся.

И вот наша первая экспедиция за фольклором. Конечно, вдохновлял нас Игорь Лученок. Я хотел живьем послушать народные песни. Словом, мы года два, наверное, подряд ездили по Полесью: Житковичи, Туров и многие другие места. Машины легковые – «Волги» двадцать первые; но когда мы не проходили на них по болотам, тогда нам давали «уазик». Приходилось и на пароме добираться, чтобы собрать фольклор. Было удивительное время, когда я впервые столкнулся с белорусской глубинкой. Мы приходили к певуньям по вечерам, ведь днем у них работа в поле. И что поражало, помню, приходит с работы женщина; ну, думаю, ей где-то лет пятьдесят–шестьдесят. Нет, оказывается, это молодая женщина, милая, красивая. У нее восемь детей, и ей за тридцать лет всего. А выглядит так, потому что с пяти утра до семи-восьми вечера тяжело трудится. Но как красиво в хате убрано, одно загляденье: иконы и вышивки... И вот женщины начинают в два-три голоса петь. Впечатление, конечно, потрясающее... Интересно было проводить время не только в песнях, но и в беседах. Хотелось больше узнать от местных сельчан об их жизни, хотя она была не такой, как расписывали газеты. На их страницах была фантазия, надежда, не такая, как в реальности, но многие люди ими и жили. Впрочем, этими надеждами мы живем и сегодня. Но мы столкнулись тогда именно с глубинкой, с сельской жизнью. А я, как исконный горожанин, именно здесь, в белорусских деревнях, впервые и по-настоящему познакомился с национальной белорусской песней... Навсегда...

«...Сэрцам рві струны». 1974 г.

Про песню, которая вышибает слезу

...По-прежнему ли она мощный источник для творчества? Конечно, одно время у меня были сомнения, потому что народную песню, и в нашем исполнении тоже, надо было в чем-то уже пересмотреть, аранжировки пересмотреть. Но, я думаю, мы все-таки вернемся к народной музыке. Народная песня будет всегда, потому что она — в нашей крови, ибо любая поэзия начинается с народных мотивов, народных тем. Музыка — тоже. У меня был такой случай. Я, русский по крови своей, уже на то время лет пятнадцать—двадцать прожил в Беларуси и очень долго не слушал русскую народную песню, разве что по радио. Но вот встретился где-то за рубежом с Воронежским русским народным хором. Артисты запели и затанцевали так, что у меня пошли слезы. Думаю, что у каждого человека — у белоруса, украинца, русского ли — должен быть такой момент откровения. Такими они обязательно и будут, наши новые песни, и я чувствую, что у каждого белоруса пойдет слеза, если он их услышит...

Про то, что пора трехтомник писать...

...Сделано много, очень много. Здесь надо уже трехтомник писать. Пройдет тридцатилетие ансамбля, пройдет время — и надо начинать что-то писать о «Песнях» как о все-таки новом направлении в музыке. И не буду говорить, что это я его сформировал, потому что мы — первый состав исполнителей, если брать Валерия Яшкина, брата моего Валерия Мулявина, — натолкнулись на идею именно народной песни. Вот это направление, я считаю, главное. До нас никто не брался за это, потому что ни у кого не хватало смелости «делать» народную песню. Потом я уже почувствовал, что мы выросли из шлягерных песенных «штанишек». Нет, о народной песне тут не говорю. А вот все эти поклоны после каждой песни «на потребу», все эти лакейские улыбки — все это надоело быстро, где-то года через два. Захотелось чего-то серьезного. Поэтому и возникли программы, рок-оперы, и нам это было гораздо интереснее. Почему я так работал? Потому что, если бы мы пели одни только песни, продержались бы лет пять-шесть, не больше. Некоторые артисты сегодня считают, что публика немного... туповата, что ее можно обмануть. Да, можно один раз обмануть, два-три раза. Но я знаю, как воспринимались серьезные программы, как нас просили и в России, и в Грузии, где высокая песенная культура, исполнять «Песню пра долю». Причем она звучала на белорусском языке, по времени шла час двадцать, и люди, абсолютно не зная языка, без перевода внимательно слушали. Программа шла с огромным успехом, мы года два ее возили на гастроли. Писал я ее специально на Толю Кашепарова. Он главную партию исполнял — партию Мужика, по сюжету — от его рождения до смерти. Но вот как было до того. Завтра у нас премьера «Песні...», а сегодня из министерства звонят: «Переделайте концовку!» У Купалы, как известно, в конце поэмы Мужик умирает. Но потом открывает глаза, смотрит на этот мир и говорит: мол, лучше сойти опять в могилу, чем смотреть на этот мир. Понимаете, так у Купалы. Но министерский чиновник настаивает: нет, мол, надо мажорную концовку сделать. И я придумал. Нашел все же несколько стихов — по-моему, поэт просто «выжал» их из себя. Знаете, это было непросто — найти у Купалы стихи «урпатриотизм»: ведь он был очень честным в этом отношении человеком...

*Фрагменты интервью Песняра 1999 года.
Из фондов Музея Владимира Мулявина*